

По дороге в аэропорт мелкий дождь усилился. Капли разбивались о лобовое стекло, разлетаясь брызгами. Задние фары впереди идущих машин расплывались в туманной дымке, а быстро движущиеся дворники снова и снова сбрасывали воду по краям стекла. Цао Е понимал, что в таком состоянии ему не стоит садиться за руль. Все его мысли были заняты Лян Сычжэ. Стоило ему остановиться на светофоре, как он тут же погружался в задумчивость. Несколько раз машины сзади сигналили ему, прежде чем он замечал, что загорелся зелёный.

Он не мог остановиться. Желание увидеть Лян Сычжэ с каждой минутой становилось всё сильнее. Проехав больше половины пути, Цао Е наконец вспомнил, что нужно позвонить ассистентке и попросить её заказать билет на ближайший рейс до Шанхая.

— Сегодня вечером? — переспросила ассистентка, словно не поверила своим ушам. — Идёт дождь, рейсы в Шанхай наверняка отменили.

Только тогда Цао Е осознал, насколько он потерял связь с реальностью. Он всю дорогу ехал под дождём и лишь сейчас, благодаря её замечанию, понял, что рейсы могут задержать. Он тихо выругался и спросил:

— А скоростные поезда ещё ходят?

Ассистентка быстро нашла информацию:

— Есть один рейс, отправление через час. Забронировать вам билет?

Закончив разговор, Цао Е развернулся и поехал на вокзал. Он едва успел на поезд. Усевшись на своё место, Цао Е смотрел на морозящий дождь за окном. Дождь шёл не переставая, но и не усиливался. Интересно, какая сейчас погода у Лян Сычжэ? Может, там льёт как из ведра? Цао Е достал телефон и открыл чат с Лян Сычжэ. Он напечатал: «У тебя идёт дождь?» Посмотрел на сообщение и стёр, затем написал: «Чем занимаешься?» Его палец завис над кнопкой «Отправить», но через мгновение он снова всё удалил. Слова казались неуместными.

Он почти мог представить себе ответ Лян Сычжэ: «Идёт» или «Читаю сценарий». И что он ответит ему потом? Ему хотелось поговорить с Лян Сычжэ, увидеть его, быть рядом, но в то же время он боялся этого. Какой-то парадокс. Ладно, он разберётся с этим, когда увидится с ним. Цао Е выключил экран и убрал телефон в карман.

Четыре часа в поезде обещали быть мучительными. Цао Е нашёл на планшете фильм «Сны о любви и судьбе». Рейтинг на сайте был 7,1. Не так уж и много. Сюй Юньчу сказала, что Лян Сычжэ снял этот фильм тоже из-за него. Ему стало интересно, о чём эта история. Он уже смотрел этот фильм три месяца назад в кинотеатре «Утопии». Это была их первая встреча после разрыва. Возможно, тогда он был не в настроении, поэтому фильм не произвёл на него впечатления. Цао Е надел наушники и уставился в экран планшета.

На экране появился размытый, далёкий образ сцены, где два актёра пели на высоких нотах:

— Если твой брат Лян ещё не женат, младший брат поможет тебе найти невесту...

— Младший брат поможет мне найти невесту, но кто же эта прелестница?

Это была опера «Влюблённые-бабочки».

Цао Е помнил начало фильма: женщина лет сорока, сжимая в руке пульт, сидит на корточках и смотрит телевизор.

Затем её окликает дочка: «Мама!» Женщина вздрагивает, встаёт, выключает телевизор и начинает суетиться вокруг дочери-подростка. Через несколько минут она стоит у окна и смотрит, как дочь спускается вниз, где её ждёт мальчик на велосипеде. Женщина стоит у окна и вдруг начинает петь тоненьким голосом: «Если твой брат Лян ещё не женат, младший брат поможет тебе найти невесту...»

В комнате раздаются шаги, но женщина продолжает петь, пока её не прерывает раздражённый мужской голос:

— Театр уже давно закрылся, а ты всё поёшь! Ты идёшь на собеседование в агентство нянь или нет?

Тонкий голос обрывается. Женщина замирает на мгновение и отвечает:

— Иду.

Перед выходом они ссорятся из-за какой-то мелочи: мужчина вчера вечером ушёл выпивать и забыл вынести мусор. Первая половина фильма была полна бытовых деталей: мужчина и женщина постоянно ссорятся, мирятся, бессмысленно тратят время и испытывают терпение зрителя.

Затем женщина устраивается работать няней в семью к молодой паре, ухаживать за роженицей и новорождённым. Там она встречает своего бывшего учителя по театральному кружку. Учитель берёт её за руку и представляет своей дочери:

— Лян Янь и Чжу Хуайшань были звёздами нашего театрального кружка! Играли Лян Шаньбо и Чжу Интай. На сцене Лян и Чжу, за сценой — Чжу и Лян. И на сцене, и в жизни — идеальная пара! Все им завидовали...

Голос рассказчика затихает, изображение становится размытым и переносится за кулисы театра. Двадцатилетние Чжу Хуайшань и Лян Янь гримируются. У них обоих высокие причёски, и говорят они с характерной театральной интонацией. Они были самой красивой парой в университете, влюблённые друг в друга с детства. В юности их отношения прошли через множество испытаний: сопротивление семей, вмешательство посторонних, собственные

ошибки. После окончания театрального училища их обоих приняли в самые известные театры страны, но после серьёзной ссоры они всё же пошли на жертвы друг ради друга и вместе устроились в небольшой частный театр, чтобы продолжать играть Лян и Чжу на сцене и оставаться Чжу и Лян в жизни. Их пылкая любовь, пройдя через все испытания, превратилась в сказку, но в итоге разбилась о быт.

В тот вечер, вернувшись с работы и уже лёжа в кровати, Лян Янь спросила Чжу Хуайшаня:

— А что, если бы Лян Шаньбо и Чжу Интай не превратились в бабочек, а остались жить вместе? Что бы с ними стало?

— Что бы стало? — пробормотал засыпающий Чжу Хуайшань. — Наверное, они стали бы такими же, как мы.

Через несколько месяцев они развелись. Выходя из здания Бюро по гражданским делам, они всё ещё спорили об опеке над дочерью. Камера крупным планом показала лица обоих, их взгляды, полные взаимного раздражения и непроизвольно опущенные уголки губ.

Фильм закончился, пошли титры. Эта история, полная реализма, оставляла гнетущее чувство. Трудно было поверить, что Лян Сычжэ потратил два года на съёмки такого фильма. Честно говоря, фильм не был совсем уж плохим. Съёмка и переходы между сценами были на уровне, но сама история была настолько реалистичной, что её совсем не хотелось смотреть.

После фильма автоматически запустилось видео — интервью с Лян Сычжэ, данное три года назад, во время выхода «Сны о любви и судьбе». Фильм провалился в прокате, и многие СМИ тогда высмеивали Лян Сычжэ за то, что он замахнулся слишком высоко и в итоге упал. Репортёр с микрофоном в руке шёл за ним и спрашивал:

— Сейчас, спустя неделю после премьеры, сборы едва превысили десять миллионов, а количество сеансов в кинотеатрах очень мало. Вы не жалеете, что потратили два года на этот фильм?

Лян Сычжэ, услышав вопрос, повернулся к репортёру:

— А почему я должен жалеть?

— Фильм не имел успеха ни в прокате, ни у критиков. Вы же не можете быть совершенно равнодушны к мнению зрителей? В конце концов, фильмы снимают для того, чтобы их смотрели...

Не дослушав, Лян Сычжэ, не оборачиваясь, бросил:

— А я не могу снять фильм для себя? — и зашагал прочь.

Он потратил два года, чтобы снять фильм для себя... Цао Е смотрел на застывший на экране силуэт Лян Сычжэ и думал: почему он выбрал такую реалистичную историю? Кино — это искусство создания мечты, но фильм Лян Сычжэ, наоборот, разрушал прекрасную мечту на глазах у зрителя. Лян Сычжэ наверняка знал, что фильм не понравится широкой публике, но всё равно потратил на него два года. Цао Е вбил в поисковике название фильма и открыл страницу с рецензиями. Он пробежался глазами по нескольким самым популярным комментариям:

«Уныло. Один совет: не смотрите. Посмотрите — расхочется жениться».

«Не могу поверить, что Лян Сычжэ два года возился с такой реалистичной темой. О чём он думал?»

«Что, если бы Лян Шаньбо и Чжу Интай не превратились в бабочек, а остались жить вместе? История о том, что было после того, как принц и принцесса стали жить долго и счастливо... Жуть берёт».

«Фильм снят очень искренне, но как Лян Сычжэ, переживший столько романов, может быть таким пессимистом в любви?»

Цао Е задумался, глядя на следующий комментарий:

«Этот фильм — отличное лекарство для тех, кто страдает от неразделённой любви. Он разрушает иллюзии о любви, показывая, что даже если твои чувства взаимны, всё может быть не так уж хорошо. Подозреваю, что у Лян Сычжэ, как и у меня, есть кто-то, кого он любит без взаимности, и этим фильмом он пытается убедить себя отпустить его».

Снять фильм для себя. Значит, все эти годы Лян Сычжэ пытался убедить себя отпустить.

Цао Е взял телефон и снова посмотрел на переписку с Лян Сычжэ. Последнее сообщение было его вопросом о том, можно ли воспользоваться кинозалом. Лян Сычжэ ответил: «Да». После этого он больше ему не писал. Цао Е почувствовал укол тревоги. Он никогда не думал о том, чтобы отойти от дружеских отношений с Лян Сычжэ, но теперь, узнав, что Лян Сычжэ может в любой момент отступить, он растерялся.

Иньсы изменилась, «Лазурную вечеринку» снесли, сяо-сяо Бай ушла. Все нити, связывающие их с прошлым, словно обрывались одна за другой. А что, если именно в тот момент, когда он осознал свою любовь к Лян Сычжэ, тот решил отпустить её? Выйдя из здания вокзала, Цао Е попал под проливной дождь. У него не было зонта, и он мгновенно промок до нитки. Он вызвал такси, сел в машину, и водитель, обернувшись, протянул ему салфетки:

— Дождь-то какой!

Цао Е промолчал. Глядя на капли, барабаниющие по стеклу, он вспомнил, как два месяца назад на съёмочной площадке «Рокового выбора» Лян Сычжэ держал над ним зонт.

Машина ехала по дороге, разрезая дождевую завесу. Сидя в такси, Цао Е чувствовал себя, будто во сне. Десять лет назад они были на Иньсы, и в тот вечер тоже шёл такой же сильный дождь. Они провели целый день в «Лазурной вечеринке», обсуждая сценарий «Тринадцати дней», и им совсем не было скучно. И вот прошло десять лет.

Он вспомнил эти годы знакомства с Лян Сычжэ. Кулуары церемонии вручения премии «Золотая статуэтка». Он стоял, прислонившись к колонне, разговаривал с друзьями и делал вид, что не замечает Лян Сычжэ. Но не мог удержаться и бросал на него украдкой взгляды, пока Лян Сычжэ не посмотрел на него в ответ. Тогда Цао Е быстро отвернулся.

После того как он ударил продюсера «Зоны карантина», Лян Сычжэ прикрыл его лицо рукой и провёл сквозь толпу. Он до сих пор ясно помнил лёгкий запах вина от его пальцев, прохладное прикосновение ладони и то щемящее чувство в груди. В тот вечер, когда они расстались, он ненадолго уснул и увидел сон, как Лян Сычжэ пришёл к нему и сказал, что не будет сниматься в фильме Цао Сююаня. Он испытал такую невероятную радость, но тут же понял, что это сон. Проснувшись и осознав, что это был всего лишь сон, он долго лежал в темноте с пустотой в груди.

Последующие пять лет он намеренно избегал любых новостей о Лян Сычжэ, заводил один роман за другим. Все вокруг знали, что нельзя упоминать при нём Лян Сычжэ, так что Чэн Дуань даже шутил, что Лян Сычжэ и Цао Сююань — две запретные темы для Цао Е. Как же было нелепо. Он столько лет бессознательно любил Лян Сычжэ и обманывал сам себя, делая вид, что ничего не чувствует.

Чем ты занимался все эти годы, Цао Е? Три месяца назад ты флиртовал с Линь Хуань на глазах у Лян Сычжэ, месяц назад отправил Цинь Чжэнь-Чжэнь и Лян Сычжэ на одну съёмочную площадку... После всех этих глупостей с какой стати Лян Сычжэ должен ещё ждать тебя?

Машина остановилась у отеля. Водитель обернулся, чтобы предложить ему зонт, но Цао Е уже открыл дверь и вышел под дождь. Он вошёл в вестибюль. Швейцар открыл перед ним дверь, и все присутствующие обернулись на него. Только тогда Цао Е понял, как жалко он выглядит, промокший до нитки. Впрочем, Лян Сычжэ видел его и в более плачевном состоянии. Цао Е достал телефон и позвонил ему.

— Цао Е? — ответил Лян Сычжэ после нескольких гудков.

— Лян Сычжэ, — Цао Е старался говорить спокойно, — я в вестибюле. Пусть Сун Циньянь спустится за мной.

— Ты в Шанхае? — Лян Сычжэ, казалось, немного удивился. — Хорошо, подожди немного.

Закончив разговор, Цао Е стоял в оцепенении. Он сорвался и приехал сюда, поддавшись импульсу, но что он скажет Лян Сычжэ? «Я люблю тебя»? Он ещё не был готов перейти от дружбы к романтическим отношениям, стать геем. В душе царил хаос. Он боялся сделать шаг вперёд, боялся оставаться на месте и боялся, что Лян Сычжэ внезапно отступит. Он ещё не успел собраться с мыслями, как увидел приближающегося Лян Сычжэ.

Лян Сычжэ не стал просить Сун Цинъянь спуститься за ним, а сам пришёл в вестибюль. На нём была только чёрная маска. Он подошёл к Цао Е, остановился и посмотрел на него. Его взгляд казался тяжёлым. Несколько человек в вестибюле обернулись на них, но Лян Сычжэ не обратил на них внимания. Он выиграл, подумал Лян Сычжэ, глядя на промокшего Цао Е. Его мальчик, словно промокший щенок, растерянно ждал его здесь.

— Пойдём наверх, — Лян Сычжэ взял Цао Е за запястье. Цао Е не сопротивлялся и позволил ему вести себя.

В лифте они были одни. Цао Е почувствовал лёгкий запах алкоголя, исходящий от Лян Сычжэ.

— Лян Сычжэ, ты пил? — спросил он, повернувшись к нему.

— Угу, — Лян Сычжэ ослабил хватку, затем его рука скользнула вниз, сначала едва касаясь, а затем, не встретив сопротивления, обхватила ладонь Цао Е.

Сухая ладонь коснулась мокрой тыльной стороны руки и тоже стала влажной. Никто из них не произнёс ни слова. В тесном пространстве лифта казалось, было слышно биение их сердец. Пусть это будет сон, подумал Цао Е, закрыв глаза. Во сне можно быть смелее, можно делать всё, что угодно.

Войдя в номер, Лян Сычжэ налил Цао Е горячей воды, посмотрел, как тот её выпил, и спросил, не хочет ли он принять душ. В ванной, снимая мокрую футболку, Цао Е смотрел на руку, которой только что держал Лян Сычжэ. Тепло его прикосновения ещё не исчезло. Он стоял, не двигаясь, так некоторое время.

Выйдя из ванной, Цао Е надел одежду Лян Сычжэ — белую хлопковую футболку и серые брюки — и направился к нему. Лян Сычжэ сидел в кресле на балконе. Перед ним стояла бутылка и бокал с вином. На бокале лежала ложка, а на ложке — кусочек белого сахара. Он сидел и словно ждал его.

— С 26-м днём рождения, — сказал Лян Сычжэ, когда Цао Е подошёл ближе.

Цао Е опешил. Он помнил, что сейчас конец сентября, но забыл, что сегодня у него день рождения.

— Что, ты даже про свой день рождения забыл? — улыбнулся Лян Сычжэ.

Цао Е подошёл и сел напротив него. Лян Сычжэ встал, выключил свет. Комната погрузилась в темноту. Затем раздался тихий щелчок, и вспыхнул огонёк. Цао Е увидел, что в руках у Лян Сычжэ коробок спичек. После того как Лян Сычжэ зажег длинную спичку, он сел, наклонился и поднёс огонь к бокалу. Вино вспыхнуло странным синим пламенем. Через секунду огонь погас. Лян Сычжэ поднял ложку, размешал в вине растаявший сахар, и прозрачная жидкость приобрела изумрудно-зелёный оттенок.

— Помнишь этот фильм? — Лян Сычжэ чиркнул спичкой, зажёл свечу на столе и посмотрел на него. — С Джонни Деппом. Я говорил, что подарю тебе бутылку абсента, когда тебе исполнится восемнадцать.

Цао Е отвёл взгляд:

— Это было так давно...

— Да, давно, — Лян Сычжэ улыбнулся. — Каждый год в твой день рождения я проделываю этот фокус. Сегодня десятый раз. Я уже очень хорошо натренировался.

Цао Е вдруг захотелось расплакаться. Он подумал, каким же он стал сентиментальным, раз его до слёз трогает этот огонёк. Он отвернулся, пытаясь успокоиться.

— Я уже давно не праздную дни рождения, — сказал он.

— А? — Лян Сычжэ, казалось, удивился. — Почему?

— Думаю... — Цао Е сглотнул. — Никто не был рад, что я родился на свет. Про Цао Сююаня я вообще молчу, а мама говорила, что жалеет, что родила меня. Поэтому я перестал праздновать дни рождения.

Он не смел смотреть на Лян Сычжэ. Он думал, что Лян Сычжэ, наверное, всё ещё любит того шестнадцатилетнего Цао Е с улицы Иньсы. А нынешний Цао Е... Лян Сычжэ, узнай его ближе, наверняка бы разочаровался. Он ужасен. Он опустил голову, пытаясь взять себя в руки:

— Лян Сычжэ, ты когда-нибудь думал о том, что с той летней встречи прошло уже десять лет? Я уже не тот Цао Е с улицы Иньсы. Сейчас я ужасный человек, совсем не тот, которого ты знал. Возможно... я не заслужил того, чтобы ты праздновал мой двадцать шестой день рождения, не заслужил этой бутылки абсента.

После этого длинного монолога Лян Сычжэ замер. Через что же пришлось пройти его мальчику, чтобы он так себя ненавидел?

— Что ты такое говоришь? — Лян Сычжэ посмотрел на него и тихо произнёс: — То, что ты стал таким, какой ты есть, доказывает, насколько особенным был день твоего рождения 26 лет

назад.

Он выпил абсент, сдерживая эмоции, и поставил пустой бокал на стол.

— Конечно, я знаю, что люди меняются. Я вижу разницу между тобой шестнадцатилетним и двадцатилетним. Но я не думаю, что нужно делать на этом акцент. Ты должен был стать таким, какой ты есть. Я не могу представить себе лучшего варианта.

Как только он закончил говорить, Цао Е закрыл лицо руками. Он увидел, как дёрнулся кадык Цао Е. Его мальчик молча плакал. Лян Сычжэ наклонился и, присев перед ним на корточки, посмотрел на него. Сердце Лян Сычжэ сжалось от жалости, превратившись в скомканный шар.

— Цао Е, — тихо позвал он.

— Не смотри на меня, — сказал Цао Е охрипшим голосом. — Мне стыдно.

Он немного прикрывал глаза руками, потом убрал их. Он изо всех сил сдерживался, и слёз выступило немного, но его глаза неудержимо покраснели. Они смотрели друг на друга, между ними почти не осталось расстояния. Лян Сычжэ видел, как колышущийся огонёк свечи отражается в ресницах Цао Е. Пламя дрожало, и ресницы Цао Е тоже дрожали. Внезапно он почувствовал непреодолимое желание поцеловать Цао Е.

Возможно, сейчас был не самый подходящий момент. Его мальчик только-только высунул голову из своей раковины, и его легко можно было спугнуть. Но он не мог справиться с нахлынувшими на него чувствами. Жажда, вызванная алкоголем, раз проснувшись, уже не утихала. Он посмотрел на губы Цао Е. Они были так близко, что чувствовали дыхание друг друга. Он увидел, как Цао Е снова сглотнул. Его мальчик нервничал, словно стоял на краю обрыва, раздумывая, прыгать или нет.

— Цао Е, я собираюсь тебя поцеловать, — сказал Лян Сычжэ очень тихо. — Я слышал, что ты гомофоб, поэтому тебе может быть неприятно. Я буду приближаться медленно. У тебя будет примерно десять секунд, чтобы увернуться.

С этими словами он начал медленно, очень медленно наклоняться к Цао Е. Тёплое влажное дыхание Цао Е коснулось его носа, заставляя его сердце трепетать. Их губы соприкоснулись. Цао Е не отстранился. Его ресницы дрогнули, и он закрыл глаза.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130306>